

Krivosos, Vladislav Šajevič

**Смерть своих и смерть чужих в повести Гоголя "Тарас Бульба"**

*Opera Slavica*. 2024, vol. 34, iss. 1, pp. 107-121

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2024-1-9>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.80556>

License: [CC BY-SA 4.0 International](#)

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20240913

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

# Смерть своих и смерть чужих в повести Гоголя «Тарас Бульба»

## The Death of *Own* and the Death of *Alien* in Gogol's Story "Taras Bul'ba"

Владислав Шаевич Кривонос

(Самара, Россия)

### Абстракт:

В статье рассматриваются особенности изображения смерти персонажей в повести Гоголя «Тарас Бульба». Главное внимание уделено соотношению пространственных сфер, в одну из которых включены православные казаки, а в другую поляки-католики. Предметом повествования и описания в повести становится гибель в войне за веру, которую казаки ведут с поляками. Автор доказывает, что занимаемая повествователем позиция этноцентризма, с акцентом на особой связи национального чувства с чувством конфессиональным, определяет его отношение к смертям действующих лиц, принадлежащих к разным пространственным сферам, как к смерти *своих* и смерти *чужих*. Изучается отношение казаков к смерти с точки зрения их системы ценностей как к смерти хорошей и смерти плохой. Показано, что повествователь изображает смерти поляков как один из моментов сражения, не имеющие такого событийного значения, как смерти казаков. При этом повествователь корректирует позицию этноцентризма, сочетая субъективное восприятие картин смерти с объективной оценкой происходящего.

### Ключевые слова:

Гоголь; «Тарас Бульба»; свой; чужой; казаки; поляки; битва; изображение смерти

## Abstract:

The article examines the features of the depiction of the death of characters in Gogol's story "Taras Bulba". The main attention is paid to the relationship between spatial spheres, one of which includes Orthodox Cossacks, and the other Catholic Poles. The subject of narration and description in the story is death in the war for faith that the Cossacks are waging with the Poles. The author proves that the position of ethnocentrism occupied by the narrator, with an emphasis on the special connection of national feeling with religious feeling, determines his attitude towards the deaths of characters belonging to different spatial spheres, as the death of own and the death of alien. The attitude of the Cossacks to death is studied from the point of view of their value system as good death and bad death. It is shown that the narrator depicts the deaths of the Poles as one of the moments of the battle, which do not have such eventual significance as the deaths of the Cossacks. At the same time, the narrator corrects the position of ethnocentrism, combining the subjective perception of images of death with an objective assessment of what is happening.

## Key words:

Gogol'; "Taras Bul'ba"; own; alien; Cossacks; Poles; battle; image of death

Структурирование пространства в «Тарасе Бульбе» соответствует воссозданной здесь средневековой модели мира, разделенного на мир христиан, исключая еретиков (еретиками запорожцы считали поляков, а поляки — запорожцев), и мир иноверцев (носителей нехристианской веры)<sup>1</sup>. Символическая пространственная конструкция соотнесена у Гоголя с существенной для народной традиции семантической оппозицией 'свой-чужой', согласно которой свои оцениваются позитивно, а чужие негативно<sup>2</sup>. В сфере чужого в гоголевской повести оказываются прежде всего поляки-католики (турки и татары, упоминаемые в ходе повествования и возникающие на его периферии, в число персонажей не входят), а в сфере своего — православные казаки-запорожцы, ведущие с ними войну за веру; война служит для них средством испытания казацкого духа и проверки истинности исповедуемых ими религиозных ценностей<sup>3</sup>.

- 1 Ср.: GUREVIČ, A. Ja.: *Kategorii srednevekovoj kul'tury*. 2-je izdanije, ispravlennoje i dopolnennoje. Moskva: Iskusstvo, 1984, s. 87.
- 2 См.: BELOVA, O. V.: Svoj-čужoj. In: *Slavjanskije drevnosti: Ètnolingvističeskij slovar'*: v 5 t., t. 4. Moskva: Meždunarodnyje otnošenija, 2009, s. 581.
- 3 Война за веру была значимым аспектом религиозных войн в XVI–XVII вв., в которых казаки противостояли полякам. См.: ПЛОЧИЙ, С.: *Nalyvajkova vira: Kozactvo ta relihija v rann'omodernij Ukrajinі*. Per. z anhl. Vydannja druhe, vypravlene. Kyjiv: Krytyka, 2006, s. 230–248.

Сюжетные события разворачиваются в «Тарасе Бульбе» не в исторической и строго локализованной во времени реальности, а в реальности изображенной, взятой в границах мифологизированной истории<sup>4</sup>. В сражениях с поляками и в поединках с польскими рыцарями запорожцы, как показано в развернутых и детализированных описаниях, убивают своих противников и гибнут сами; особо отмечены (включая эмоционально-оценочную репрезентацию) смерти персонажей, выдвинутых на передний план той или иной батальной сцены, так что событийное значение их ухода из жизни резко повышается. Занимаемая субъектом повествования позиция этноцентризма, с акцентом на особой связи национального чувства с чувством конфессиональным, определяет его отношение к смертям действующих лиц, принадлежащих к разным пространственным сферам, как к смерти *своих* и смерти *чужих*.

Повествователь, описывая процедуру избрания кошевого, делится наблюдением, что «...слишком старых не было на Сечи, ибо никто из запорожцев не умирал своею смертью...»<sup>5</sup>. Имеется в виду смерть естественную, от болезни или от старости. Что касается отношения запорожцев к смерти, то она предстает — в соответствии со значимыми для их мировосприятия ценностями — как смерть хорошая и смерть плохая<sup>6</sup>. Плохая кончина понимается и характеризуется «как смерть постыдная, неподобающая, не достойная человека, позорная»<sup>7</sup>. Смерть не просто венчает земное существование казака, но раскрывает и объясняет смысл прожитой им жизни; поэтому для запорожцев имеет значение, как и какой смертью они умирают и могут умереть.

Так, постыдной считалась смерть, на которую, согласно законам Сечи, обрекали казака, чьи поступки, будь то даже кража «какой-нибудь безделицы» у кого-то из своих, считались «поношением всему казачеству»: привязав «к позорному столбу», дубиной «забивали его насмерть»<sup>8</sup>. А за «смертоубийство» одним казаком другого полагалась еще более «страшная казнь», когда «живого убийцу» опускали в яму и засыпали землей, поставив «сверх него» гроб с телом «им убиенного»<sup>9</sup>.

- 4 См.: ZVINJACKOVSKIJ, V. Ja.: *Nikolaj Gogol'. Tajny nacional'noj duši*. Kijev: Likej, 1994, s. 227.
- 5 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 72.
- 6 См.: VINOGRADOVA, L. N.: Smert' chorošaja i plochaja v sisteme cennostej tradicionnoj kul'tury. In: *Kategorii žizni i smerti v tradicionnoj slavjanskoj kul'ture*. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN, 2008, s. 48–49.
- 7 Ibidem, s. 54.
- 8 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 67.
- 9 Ibidem, s. 67–68.

Недостойная смерть, о чем ведают казаки, подстерегает их, если будут захвачены в плен неверными. Тарас, прибывший с сыновьями в Сечь и не встретивший там знакомых лиц, «понурил голову», узнав, «...что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсытка голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград»<sup>10</sup>. Но особенно неподобающей видится смерть, наступающая запорожцев, когда, уступив «беззаконию», которое творят враги по вере, пусть и превосходящие числом, не способны они отстоять свое национальное и конфессиональное достоинство: «...уж теперь гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам на показ всему народу»<sup>11</sup>.

Иное дело «опочить доброю козацкою смертью», которая, как убежден Бовдюг, старейший годами и один из самых почитаемых запорожцев, возможна только «на войне за святое и христианское дело»; именно такую смерть он просит для себя, называя ее «славнейшей кончиной»<sup>12</sup>. Подобная кончина, возможная или неизбежная, если дело идет об участии в битве, когда казаку оставлен выбор, как умереть, видится наградой за достойно прожитую жизнь. Не только выбранный образ жизни, но и выбор смерти, которую можно было бы назвать *доброю* и *славнейшею*, связывает каждого казака со всеми запорожцами в единое и неразделимое целое.

Озирая перед скорым сражением «всё поле», предчувствуют и предвидят казаки, как передает повествователь охватившее их настроение, что «раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и запущенными книзу усами», и принимают судьбу свою, «чернеющую вдали», как должное, от которой нельзя уклониться: «Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге!»<sup>13</sup>. Картина смертного ночлега, объединившего казаков, выбравших себе хорошую смерть, вновь возникнет ближе к концу повести, когда предметом повествования станет «война, поднятая за веру»<sup>14</sup>. Тарас, предводительствуя полком, призовет своих «хлопцев» отвергнуть условия мира, чреватого, как он пророчит, позорной смертью, ибо, как уже бывало, нарушат поляки клятву и «сварят всех живыми

10 Ibidem, s. 64.

11 Ibidem, s. 78.

12 Ibidem, s. 127.

13 Ibidem, s. 131.

14 Ibidem, s. 166.

в котлах», и следовать за ним, а если случится погибнуть, то умереть «честной, козацкой смертью, всем на одной постеле, как жених с невестой»<sup>15</sup>.

Вероятность погибнуть в битве резко обнажает чувство казацкой общности, остро ощущаемое запорожцами и побуждающее не страшиться смерти, но встретить ее достойно, до самого конца поддерживая и ободряя друг друга. Видя, что «прибыла на подмогу» противнику «свежая сила», а следом «новая валит еще сила», призывают казаки Тараса, чтобы взглянул «на них перед смертным часом», так как «не хотят умирать, не увидев» его «в очи». И тот спешит, «чтобы поглядеть еще на них, и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана»<sup>16</sup>.

Остап, подвергаясь перед казнью нечеловеческим пыткам и замечая вокруг одни «неведомые» и «чужие лица», хотел бы увидеть кого-нибудь «из близких», кто утешил бы его «при кончине», почему, упав «силою», взывает к «батьке», и Тарас, стоявший в толпе народа, откликается: «Слышу!»<sup>17</sup>. И тем самым позволяет если и не увидеть его перед смертным часом, то хотя бы услышать. Поведение Остапа, мужественно выдержавшего предсмертные «адские муки»<sup>18</sup> и заслужившего одобрение и поддержку отца, в той же мере, что и гибель в бою, отвечает представлению и о *честной казацкой смерти*, и о существенной для «Тараса Бульбы» «традиции героической смерти»<sup>19</sup>.

Изображение смертей казаков, павших в битве, соответствует сформированному эпосом героическому канону, реконструированному в гоголевской повести, ориентированной, что касается «характера идеализации прошлого» в ней, на «эпический век героев»<sup>20</sup>. Потому и не переживается запорожцами как личная трагедия внезапный уход из жизни, расставание с которой может вызвать чувство негодования или изумления, отчего казацкая душа «так рано вылетела из такого крепкого тела»<sup>21</sup>, но не ужаса от случившегося; подобный исход никто из казаков не воспринимает в отрыве от участи всех тех, кто пал, поднявшись вместе с ними на войну за веру.

Показательно, что и повествователь, рисуя картину гибели казака, названного по имени и тем самым выделенного из общей массы, рассказывает о его смерти как об одной из ряда или даже многих смертей других казаков, но

15 Ibidem, s. 168.

16 Ibidem, s. 145.

17 Ibidem, s. 165.

18 Ibidem, s. 164.

19 KASACK, W.: Gogol' und der Tod. *Russian Literature*, 1979, Vol. VII, Issue 6, s. 636.

20 MELETINSKIJ, Je. A.: *O literaturnych archetipach*. Moskva: RGGU, 1994, s. 78.

21 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 119.

не акцентирует трагизм смерти индивидуальной. Ср.: «Кобита, добрый козак и молодой еще, схватился тоже с одним из храбрейших в польском войске, и долго бились они. Сошлись уже в рукопашный. Одолел было уже козак и, сломивши, ударил вострым турецким ножом в грудь, но не уберегся сам. Тут же в висок хлопнула его горячая пуля. Свалил его знатнейший из панов, красивейший и древнего княжеского роду рыцарь. Как стройный тополь, носился он на буланом коне своем. И много уже показал боярской богатырской удали: двух запорожцев разрубил надвое; Федора Коржа, доброго козака, опрокинул вместе с конем, выстрелил по коню и козака достал из-за коня копьем; многим отнес головы и руки и повалил козака Кобиту, вогнавши ему пулю в висок»<sup>22</sup>.

Особым может показаться случай, когда описывает повествователь столь отличную от типичных смертей запорожцев гибель казака, поддавшегося греховному побуждению и нарушившему правила, исполнять которые «велит козацкая честь»<sup>23</sup>. Польстившись «корыстью», как поступил куренной атаман Бородатый, решивший снять с убитого шляхтича «дорогие доспехи», не услышал он, как налетел сзади «красноносый хорунжий, уже два раза сбитый им из седла», и «ударил его саблей по нагнувшейся шее»<sup>24</sup>. Но и тут речь идет не о трагизме индивидуальной смерти, а о смерти трагически нелепой, виновником которой оказался сам атаман, оставивший в итоге вверенных ему казаков раньше отпущенного ему срока жизни.

Было отмечено, что казакам, павшим в сражении, дано «попрощаться с жизнью несколькими последними словами», посредством которых выделено и сформулировано отражающее и раскрывающее их ценностные установки «отношение к смерти»<sup>25</sup>. Не испытывая страха смерти, как и подобает казакам, прошедшим военную выучку в Сечи и воспитанным в сражениях и битвах, и до конца сохраняя присутствие духа, они, обращаясь к товарищам, успевают поведать, что двигало ими при жизни и во имя чего они умирают.

Ритуал прощания с жизнью призван продемонстрировать незыблемое единство запорожцев, и перед смертью следующих общим для них нормам типизированного поведения, регламентируемого действующими в Сечи законами и воинскими обычаями.

Приведем несколько показательных примеров:

22 Ibidem, s. 118.

23 Ibidem, s. 145.

24 Ibidem, s. 119.

25 KASACK, W.: Gogol' und der Tod. *Russian Literature*, 1979, Vol. VII, Issue 6, s. 636.

«Пошатнулся Шило и почувал, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам: „Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!“ И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела»<sup>26</sup>;

«Не успели оглянуться казаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копыя. Только и успел сказать бедняк: „Пусть же пропадут все враги, и ликует вечные веки Русская земля!“ И там же выпустил дух свой»<sup>27</sup>;

«А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: „Не жаль расстаться с светом. Дай бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!“»<sup>28</sup>;

«Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. [...] Поникнул он теперь головою, почував предсмертные муки, и тихо сказал: „Сдается мне, паны братья, умираю хорошею смертью: семерых изрубил, девятерых копьем исколол. Истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!..“ И отлетела его душа»<sup>29</sup>;

«Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: „Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!“»<sup>30</sup>.

Повествователь неслучайно уделяет специальное внимание ритуалу прощания запорожцев с жизнью. Он изображает их, прибегая к очевидной стилизации, как особо почитаемых эпических героев, противостоящих «эпическому врагу — иноверному и инопациональному»<sup>31</sup>, и закономерно акцентирует свойственную эпосу «мифологизацию воинской смерти»<sup>32</sup>.

Все погибающие казаки умирают *при глазах* товарищей, ощущая единство с ними и чувствуя их поддержку, и умирают *хорошею смертью*. Об этом прямо говорит Балабан, объясняя, что право умереть такой смертью заслужил он

26 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinenij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 138.

27 Ibidem, s. 139.

28 Ibidem, s. 139–140.

29 Ibidem, s. 140.

30 Ibidem, s. 141.

31 MELETINSKIJ, Je. A.: *O literaturnych archetipach*. Moskva: RGGU, 1994, s. 78.

32 NOVIČKOVA, T. A.: *Ėpos i mif*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2001, s. 8.



воинскими подвигами, совершенными во имя великой цели; на это указывает и прославление всеми ими Русской земли как оплота истинной веры<sup>33</sup>. Осмысливая собственную кончину, они наделяют ее смыслом, заключающим в себе оправдание их земной жизни и понятным всем запорожцам, ныне живущим или «давно отошедшим старцам», к которым понеслась «Бовдюгова душа» рассказать, как умеют биться и умирать на Русской земле «за святую веру»<sup>34</sup>.

Как в эпосе героям, павшим в бою, уже уготовано или может быть уготовано «райское блаженство и бессмертие»<sup>35</sup>, так Кукубенко, храбро бившемуся и умершему за святую веру, обещано, что ему «хорошо будет» на «небесах», куда понесли его «молодую душу» ангелы: «„Садись, Кукубенко, одесную меня!“ скажет ему Христос: „ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь“»<sup>36</sup>. Ведь и он, подобно эпическим героям, заслужил посмертные почести, удостоившись за верность небесному патрону запорожского войска, каким представляют себе казаки Христа, высокого статуса в ином мире.

Повествователь, рассказывая о воинских подвигах запорожцев, мысленно помещает себя не просто в одно с ними пространство, но физически в непосредственной близости от них; создается впечатление, будто он является если не участником, то свидетелем происходящего, почему так эмоционально реагирует на гибель каждого казака. Занимаемая им позиция намеренно подчеркнута его риторическим обращением к Шило, предельно сокращающим разрыв между временем изображаемого события и временем его описания: «Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею»<sup>37</sup>.

В подобном ключе рисует повествователь и пленение Тараса, схваченного «ватагой» гайдуков, когда, остановившись «вдруг среди самого бегу», стал он «отыскивать в траве» выпавшую «люльку с табаком», чтоб не досталась «вражьим ляхам» его «неотлучная спутница»<sup>38</sup>. Смерть казацкого атамана,

33 См. о пространственно-символическом расширении в «Тарасе Бульбе» образа Сечи до пределов всей Русской земли, наделенной атрибутом святости: KRIVONOS, V. Š.: *Povesti Gogolja: Prostranstvo smysla*. 4-je izd., pererab. Moskva: FLINTA, 2023, s. 107–108.

34 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 140.

35 NOVIČKOVA, T. A.: *Èpos i mif*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2001, s. 8.

36 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 141.

37 Ibidem, s. 138.

38 Ibidem, s. 170.

которого решено было сжечь «живого в виду всех», как бы в назидание преследуемым казакам, последняя из изображенных в повести смертей *своих*, служит ее знаменательной концовкой: «Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отсюда был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костер»<sup>39</sup>.

Дерево, на стволе которого распинают Тараса, несет онтологическое значение крестного дерева, напоминающего об искупительной жертве. Глядя «с высоты», откуда ему «всё было видно, как на ладони», стремится он, сжигаемый на костре, советами помочь уйти «от погони» своим «хлопцам»<sup>40</sup>. Концовка повести потому и представляется знаменательной, что подчеркнуто высвечивает символический смысл героического поведения Тараса, спасающего перед смертью товарищей, и его жертвенной смерти, которые неминуемо, по логике повествования, станут частью легендарного прошлого и мифологизирующего это прошлое предания.

Особое место занимает в «Тарасе Бульбе» эпизод, связанный со смертью Андрия, перешедшего на сторону поляков и превратившегося по всем признакам в *чужого*, однако оставшегося *своим* для отца, увидевшего, как тот, вступив в битву, «понесся, как молодой борзой пес», осыпая ударами прежних товарищей: «Не вытерпел Тарас и закричал: „Как?.. Своих?.. Своих, чортов сын, своих бьешь?..“»<sup>41</sup>. Но Андрий, действуя в состоянии любовного наваждения<sup>42</sup>, «не различал, кто пред ним был, свои или другие какие», видя только «длинные кудри и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев»<sup>43</sup>. Тихо «произносил» он имя прекрасной полячки, которой поклялся, что его «разлучат от» нее только «мертвого»<sup>44</sup>, когда слез, как приказал ему Тарас, с коня, и остановился «ни жив ни мертв» перед отцом, снявшим «с плеча ружье»<sup>45</sup>.

Ожидая выстрела, Андрий безропотно принимает, как и обещал полячке, настигшую его «горькую судьбу», если ее «нельзя будет отклонить»<sup>46</sup>, но

39 Ibidem.

40 Ibidem, s. 170–171.

41 Ibidem, s. 142.

42 См. об отраженных в эпосе народных представлениях о «любви-болезни, мороке»: NOVIČKOVA, T. A.: *Ěpos i mif*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2001, s. 151.

43 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 142–143.

44 Ibidem, s. 106.

45 Ibidem, s. 144.

46 Ibidem, s. 106.

не страшится он прощания с жизнью так, как и подобает казаку, верному своей казацкой сущности, пусть и пропавшему, когда ослепила его любовная страсть, «для всего козацкого рыцарства»<sup>47</sup>. Отсюда и сочувственный по отношению к герою характер описания повествователем его смерти: «Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова»<sup>48</sup>. Ср.: «В тоне, в каком выдержана эта сцена, нет ни тени осуждения — только сострадание и боль, усиливаемые движением метафорического ряда: от общеэлегического сравнения с подрезанным колосом к многоговорящему христианскому жертвенному Агнцу Божьему...»<sup>49</sup>.

И все же гибель Андрия, как она изображена в повести, вряд ли призвана вызывать ассоциации с Агнцом Божиим. Ведь Тарас убивает сына не для того, чтобы принести в жертву для очищения запорожцев от его греховного поведения или от своего отцовского греха, поскольку это он его «породил», но объясняет свой поступок тем, что тот продал «веру» и продал «своих»<sup>50</sup>. Не видит в нем признаки искупительной жертвы и повествователь, отмечая лишь его физическую покорность и безгласность; сравнивая Андрия с *молодым барашком*, как ранее уподобил *молодому борзому псу*, он, поменяв знаки, вновь снижает его «до природного, животного»<sup>51</sup>, что не позволяет наделить умершего символическим наименованием. Смерть Андрия, в образе которого парадоксально соединились несоединимые, казалось бы, черты, сюжетно связана с развиваемым в повести отношением к смерти *своих* и смерти *чужих*, в одного из которых он добровольно превратился, хоть отец и относит его по-прежнему к *своим*.

Смерти поляков, участвующих в битве, изображены повествователем по-другому, чем смерти запорожцев, и взяты в ином ракурсе и соответственно с расстановкой иных акцентов; они оказываются для повествователя не столь важными и значимыми, почему не попадают в рисуемых им картинах в центр его внимания. Хотя поляки и предстают в батальных сценах как «доблестные

47 Ibidem, s. 107.

48 Ibidem, s. 144.

49 MANN, Ju. V.: Motiv i žanr (K svojeobraziju povesti Gogolja «Taras Bul'ba»). In: *Russkaja povest' kak forma vremeni*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universitetata, 2002, s. 139.

50 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 144.

51 ANNENKOVA, Je. I.: Povest' «Taras Bul'ba» v kontekste tvorčestva N. V. Gogolja. In: *Analiz chudožestvennogo proizvedenija: Chudožestvennoje proizvedenije v kontekste tvorčestva pisatelja*. Moskva: Prosveščeniye, 1987, s. 69.

вitezii»<sup>52</sup>, отношение к которым лишено оценочной однозначности, для повествователя это смерти *чужих*. Он действительно отдает должное храбрости и мужеству польских воинов, но смерти их показывает и описывает исключительно с точки зрения бьющихся с ними запорожцев. Ср.: «Все сбились в кучу, и каждому привел случай показать себя. Демид Попович трех заколол простых и двух лучших шляхтичей сбил с коней, говоря: „Вот хорошие кони! Таких коней я давно хотел достать!“ И выгнал коней далеко в поле, крича стоявшим козакам перенять их. Потом вновь пробился в кучу, напал опять на сбитых с коней шляхтичей, одного убил, а другому накиннул аркан на шею, привязал к седлу и поволок его по всему полю...»<sup>53</sup>.

Поляки закономерно не появляются и не возникают на переднем плане батальных сцен, постоянно занятом запорожцами; они лишены биографии и не названы по имени, а если охарактеризованы специально, то только как носители высокого воинского чина, представители шляхетской знати или «древнего княжеского рода», подобно свалившему Кобиту пану, в тыл которому следом «налетел» и «достал его ружейною пулею Кукубенко. Вошла в спинные лопатки ему горячая пуля, и свалился он с коня. Но и тут не поддался лях, всё еще силился нанести врагу удар, но ослабела упавшая вместе с саблею рука. А Кукубенко, взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему в самые побледневшие уста»<sup>54</sup>.

Для субъекта повествования смерть того или иного польского воина не имеет, в отличие от смерти казака, событийного значения; она подается как один из моментов сражения, неизбежно сопровождаемого гибелью его участников. Кукубенко, «увидевши, что лучшей половины куреня его нет», вскипел и «иссек в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьем и конника и коня...». И далее в том же духе: «Так и видно, как редели ряды, и снопами валились ляхи!»<sup>55</sup>.

Полякам, погибающим на поле боя, не дано, как казакам, попрощаться с жизнью и рассказать о той высокой цели, во имя которой они умирают; не становятся они для повествователя, несмотря на проявленные воинские доблести, подобием эпических героев, место которых в его картине мира занято запорожцами. Характерно, что даже гибель заслуженного воина, каким был, несомненно, низкорослый полковник, отдававший другим приказы,

52 GUKOVSKIJ, G. A.: *Realizm Gogolja*. Moskva; Leningrad.: GICHL, 1959, s. 166.

53 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 117.

54 Ibidem, s. 118.

55 Ibidem, s. 136.

показательно лишена героического ореола. Накинул Степан Гуска сначала «аркан ему на шею», а затем «вогнал ему в самый живот гибельную пику»<sup>56</sup>.

Среди смертей *чужих*, изображаемых в «Тарасе Бульбе», особо выделены смерти тех, кто, будучи частью мирного населения, не участвующего в военных действиях, вынуждены при одном уже появлении казаков, закаленных «вечной бранью», заранее прощаться «с жизнью»<sup>57</sup>.

Жителей осажденного города Дубно, готовых «защищаться до последних сил и крайности» и решивших лучше «умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в дома»<sup>58</sup>, запорожцы обрекают, как выразился кошевой, *передохнуть* «с голоду»<sup>59</sup>. Андрию, когда служанка панночки провела его по подземному ходу в город, бросаются в глаза пугающие откровения смерти: «Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. Казалось, как будто, не вынося мучений в домах, многие нарочно выбежали на улицу: не ниспошлется ли в воздухе чего-нибудь, питающего силы»<sup>60</sup>. Пытаясь внимательнее рассмотреть лежавших на площади, «заснувшие ли это были, или умершие», он вдруг натывается на «мертвое тело женщины, по-видимому, жидовки», возле которой «лежал ребенок, судорожно схвативший рукою за тощую грудь ее», но уже не плакавший и не кричавший; по виду его «можно было думать, что он еще не умер», но «только готовился испустить последнее дыханье»<sup>61</sup>.

Открывшаяся Андрию картина обнажает не просто трагизм голодной смерти, но трагизм смерти индивидуальной. Потому «умирание ребенка», которое вряд ли заметил бы кто-нибудь из казаков, если б удалось им взять город, и оказывается событием «в пределах» его «кругозора»<sup>62</sup>. Таково его «личное ощущение», ставшее возможным, поскольку увиденное воспринимает он с точки зрения «частной»<sup>63</sup>, а не общей для запорожцев, проносивших везде, где они появлялись, «страшные знаки свирепства полудикого века», не щадивших в своих походах ни женщин, оставляемых ими с «обрезанными грудями», ни бестрепетно избиваемых «младенцев»<sup>64</sup>.

56 Ibidem, s. 139.

57 Ibidem, s. 83.

58 Ibidem, s. 85.

59 Ibidem, s. 86.

60 Ibidem, s. 98.

61 Ibidem.

62 FEDOROV, V. V.: *O prirode poetičeskoj real'nosti*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1984, s. 127.

63 Ibidem, s. 128.

64 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinienij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 83.

Вопиющее *свирепство*, от проявлений которого, как замечает повествователь, *дыбом* «воздвигнулся бы ныне волос», объясняется, однако, не только своевольными нравами «толпы, известной под именем запорожского войска»<sup>65</sup>, отражающими характер *полудикого века*, но неизбежным расчеловечиванием «сечеви́ков», вовлеченных в истребительную войну против мирного населения и демонстрирующих «исключительную жестокость», заметно превосходящую жестокость героев «в традиционном эпосе»<sup>66</sup>.

В повести отсутствует какая-либо идеализация запорожцев, прибегающих к безудержному насилию, жертвами которого становятся ни в чем не повинные мирные жители. Так, «беспощадная свирепость и жестокость» Тараса, смыслом своих действий видящего не признающую никаких ограничений месть, «казалась чрезмерною» даже «самим козакам»<sup>67</sup>. Но верные ему казаки, чье поведение отличает конфессиональный фанатизм и языческое варварство, все равно безжалостно обходятся с «чернобровыми панянками», зажигая их «вместе с алтарями» в храмах, где те укрывались, и «кидали к ним же в пламя» поднимаемых «копьями с улиц младенцев»<sup>68</sup>. Переноса вину за казнь Остапа на беззащитных женщин и невинных детей, Тарас, нарушая христианские заповеди, велит поступать с ними не по вере, которую защищает. Все это свидетельствует о состоянии нравственного кризиса как существенного признака описываемой эпохи, стилизованной под эпический век героев, безвозвратно ушедший вместе с самими героями в историческое прошлое.

Позиция этноцентризма, занимаемая в «Тарасе Бульбе» повествователем, сохраняется на всем протяжении повествования, вплоть до финала, но существенно корректируется невозможностью для него принять за должное ни архаические механизмы действий запорожцев, ни ответную свирепость и жестокость, демонстрируемую их противниками. Обладая соответствующим историческим опытом, он психологически дистанцируется от нравов, несовместимых со значимыми для него этическими представлениями<sup>69</sup>, но предельно точно характеризующими то легендарное время, когда разворачивается ставшая частью национальной мифологии война за веру. При этом выбор повествователем ценностных ориентиров, последовательно реализуемый

65 Ibidem.

66 MELETINSKIJ, Je. A.: *O literaturnych archetipach*. Moskva: RGGU, 1994, s. 79.

67 GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinenij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 166.

68 Ibidem, s. 168.

69 См.: TAMARČENKO, N. D.: Avtor, geroj i povestvovanije (k sootnošeniju «èpopejnogo» i «romanogo» u Gogolja). In: *Poètika ruskoj literatury: K 70-le-tiju prof. Ju. V. Manna*. Moskva: RGGU, 2001, s. 25.

в сочетании субъективного восприятия происходящего с объективной его оценкой, четко проявляется во всех сценах и эпизодах, когда предметом изображения становится смерть *своих* и смерть *чужих*.

## Библиография:

- ANNENKOVA, Je. I.: Povest' «Taras Bul'ba» v kontekste tvorčestva N. V. Gogolja. In: *Analiz chudožestvennogo proizvedenija: Chudožestvennoje proizvedenije v kontekste tvorčestva pisatelja*. Moskva: Prosveščeniye, 1987, s. 59–74.
- BELOVA, O. V.: Svoj–čужoj. In: *Slavjanskije drevnosti: Ètnolingvističeskij slovar'*: v 5 t., t. 4. Moskva: Meždunarodnyje otnošenija, 2009, s. 581–582.
- FEDOROV, V. V.: *O prirode poètičeskoj real'nosti*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1984, 182 s.
- GOGOL', N. V.: Taras Bul'ba. In: GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinenij*: V 14 t., t. II. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1938, s. 41–172.
- GUKOVSKIJ, G. A.: *Realizm Gogolja*. Moskva–Leningrad: GICHL, 1959, 532 s.
- GUREVIČ, A. Ja.: *Kategorii srednevekovoj kul'tury*. 2-je izdaniye, ispravlennoje i dopolnennoje. Moskva: Iskusstvo, 1984, 350 s.
- KASACK, W.: Gogol' und der Tod. *Russian Literature*, 1979, Vol. VII, Issue 6, s. 625–664.
- KRIVONOS, V. Š.: *Povesti Gogolja: Prostranstvo smysla*. 4-je izd., pererab. Moskva: FLINTA, 2023, 420 s.
- MANN, Ju. V.: Motiv i žanr (K svojeobraziju povesti Gogolja «Taras Bul'ba»). In: *Russkaja povest' kak forma vremeni*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universitetata, 2002, s. 135–142.
- MELETINSKIJ, Je. A.: *O literaturnych archetipach*. Moskva: RGGU, 1994, 136 s.
- NOVIČKOVA, T. A.: *Èpos i mif*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2001, 248 s.
- PLOCHIJ, S.: *Nalyvajkova vira: Kozactvo ta relihija v rann'omodernij Ukrajinì*. Per. z anhl. Vydannja druhe, vypravlene. Kyjiv: Krytyka, 2006, 495 s.
- TAMARČENKO, N. D.: Avtor, geroj i povestvovanije (k sootnošeniju «èpopejnogo» i «romannogo» u Gogolja). In: *Poètika ruskoj literatury: K 70-letiju prof. Ju. V. Manna*. Moskva: RGGU, 2001, s. 22–28.
- VINOGRADOVA, L. N.: Smert' chorošaja i plochaja v sisteme cennostej tradicionnoj kul'tury. In: *Kategorii žizni i smerti v tradicionnoj slavjanskoj kul'ture*. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN, 2008, s. 48–56.
- ZVINJACKOVSKIJ, V. Ja.: *Nikolaj Gogol'. Tajny nacional'noj duši*. Kijev: Likej, 1994, 544 s.

## About the author

### Vladislav Shaevich Krivonos

Samara State Social and Pedagogical University, Faculty of Filologia, Department of Literature, Samara, Russia

*vkrivonos@gmail.com*

<https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>



This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.



